

УДК 316.6

Волков Юрий Григорьевич

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук, профессор,
научный руководитель
Института социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
ugvolkov@sfnu.ru

Yuri G. Volkov

Honored Scientist of Russia,
Doctor of Philosophical Sciences,
Professor,
Scientific Supervisor Professor of the Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
ugvolkov@sfnu.ru

Субъекты сетевого сообщества: социальные позиции и установки

Subjects of the network community: social positions and attitudes

***Аннотация.** Целью данной статьи является исследование такого нового явления в российской социальной жизни, как субъекты сетевых сообществ. Основываясь на том, что россияне не только стали потребителями информационных услуг, но и проявляют интерес, и принимают активное участие в интернет-пространстве, автор статьи полагает, что ключевым в понимании сетевых сообществ являются социальные позиции и социальные установки, реализуемые в поведенческих стратегиях субъектов сетевых сообществ. В контексте теоретической рефлексии и интерпретации конкретного эмпирического материала в статье делается обобщение относительно субъектов сетевого пространства, как имеющих потенциал гражданской активности, но и содержащие риски социальной имитации и социального исключения.*

***Ключевые слова:** сетевое сообщество, институциональная система российского общества, неформальные регуляторы, сетевое общение, акторы сетевого сообщества.*

***Abstract.** The purpose of this article is to study a new phenomenon in Russian social life as subjects of network communities. Based on the fact that Russians have not only become consumers of information services, but also show interest and active participation in the Internet space, the author believes that the key to understanding network communities are social positions and social attitudes implemented in the behavioral strategies of the subjects of network communities. In the context of theoretical reflection and interpretation of specific empirical material, the article generalizes about the subjects of the network space as having the potential of civil activity, but containing the risks of social imitation and social exclusion.*

***Keywords:** network community, institutional system of Russian society, informal regulators, network communication, actors of network community.*

Сетевые сообщества стали социальной реальностью, изучаются в различных аспектах (в социологии, социальной психологии, в социальной демографии), и сама проблема анализа функционирования сетевых сообществ, их возникновения и роста требует применения системного социально-гуманитарного анализа. Однако рамки концептуализации представляются аморфными и размытыми, сбивающимися на публицистический дискурс, если не выработать категориальные и критериальные срезы рассмотрения сетевых сообществ. Действительно, социологическая мысль с конца 1990-х годов отмечает «взрыв» сетевых сообществ. В работах М. Кастельса заявлено о том, что современная информационная эпоха привела к возникновению интерактивных коммуникационных систем [1, с.328]. М. Кастельс отмечает, что «интернетизация» была инициирована государством, но трансформировалась в «технологии свободы». Создание сети Интернет в 1990-е годы привело к глобальной компьютерной коммуникации, к тому, что наряду с обменом финансами, услугами, людьми, идеями, глобальная сеть привела к эффекту прозрачных границ, стала независимой от командных и контрольных центров [1, с. 333]. Оптимизм М. Кастельса заключался в том, что мировая коммуникационная паутина создала принципиально новый фон и новые условия в развитии институциональной системы общества. Коммуникационные возможности включены в сетевое общение и сетевую активность. Технологичная открытость архитектуры сети способствует публичному доступу и препятствует введению правительственных и коммерческих ограничений [1, с.337]. Как показал опыт «интернетизации общества», новое виртуальное пространство, хотя и способствовало внедрению информационных технологий и осовременило социальные коды, воспроизводит и продуцирует социальные риски. Речь идет не только о социальном неравенстве в сфере доступа к информационным ресурсам, но и о сетевом «тоталитаризме», о том, что интернет-среда утратила в основном когнитивные и консолидирующие установки, сформировавшись как пространство конкуренции акторов и смыслов.

Российские исследователи плотно занялись проблемами сетевых сообществ с середины 2000-х годов. На фоне роста потребителей информационных услуг, включения в коммуникационную среду значительной массы людей, заметным явлением стало переключение интереса россиян от традиционных информационно-познавательных и социально-ориентационных схем к сетевому участию. Российский исследователь И.А. Халий отмечает, что формирование виртуальных (сетевых) сообществ воспринимается неоднозначно: с одной стороны, можно констатировать процесс самоорганизации в виртуальном пространстве, результатом которого становится общественная структура, активно действующая в пространстве реальном [2, с.246], с другой – она соглашается с Н.Е Покровским в том, что возникающие сообщества могут действовать в режиме «симулякров»,

конструировать другую, идеально фантазийную реальность, замещающую повседневную жизнь [3, с.11].

В подходе российских исследователей к сетевому сообществу прослеживается структурно-функциональный подход, определение того, какие запросы и каких групп удовлетворяют сетевые сообщества. По этому критерию и рассматривается виртуальность или функциональность сетевых сообществ. Между тем, сетевые сообщества активно позиционируют в общественно-политической жизни страны, претендуя, если не на роль новых общественно-политических сил, то на коллективное представительство нового класса, класса сетевых сообществ. Отмечая, что в сетевых сообществах наблюдается дерегуляция, преодоление половозрастных, социокультурных, территориальных маркеров, исследователи рассматривают «сети» неоднозначно: и как сферу самоорганизации общества, и как рискогенное пространство. Отталкиваясь от понятия «конструирование виртуальной личности», И.А. Халий говорит о рисках, связанных с тем, что свойства виртуального общения могут требовать подхода, основанного на общей деятельности. Но проблема заключается в том, какие интересы преследуются участниками общения, исходят ли они из стремления придать самостоятельное значение симулякрам и, в соответствии с логикой виртуализации, видеть в социальной реальности только фоновые условия или действуют на основании принятия сетевой коммуникации, как расширения возможностей общения? [2, с. 248].

Выявленные дилеммы подвигают к рассмотрению сетевых сообществ в институциональной системе российского общества, исходя из того, что речь идет не об альтернативе «реальным» социальным институтам, а о том, чтобы анализировать сложившиеся институциональные механизмы в контексте влияния сетевых сообществ, анализировать характеристики функционирования сетевых сообществ, в которых высока роль анонимных связей, и, вместе с тем, проявляется эффект «кастовости». Необходимым условием для понимания сетевых сообществ, как обладающих институциональными параметрами, являются действующие неформальные практики акторов сетевых сообществ.

В сетевом пространстве, хотя и провозглашается принцип свободы перемещения, созданы эффективно действующие социальные фильтры, которые блокируют или ограничивают возможность для вторжения в освоенное сетевое пространство «чужого». Речь идет о том, что провозглашенный принцип добровольности предполагает формулу позитивного нейтралитета, ориентирует на готовность поддержать равенство участника, но при этом не исключает допущений произвола в контексте применения «права сильного». Этот момент выражается в том, что predeterminedными преимуществами обладает собственник блога, который использует сетевое пространство для получения символических и, часто, коммерческих преимуществ. Американский исследователь Ф. Уэбстер подчеркивал, что, в контексте используемого инструментария теорий информационного общества, важно понимать логику постмодернизма, в которой сетевые сообщества ассоциируются с постсовременностью, очевидностью «потери аутентичности», отказа от

определения глубинных смыслов и оценки достоверности информации [4, с. 320].

Таким образом, сетевое сообщество как институциональная структура, обладающая открытым доступом, то есть, основанная на неформальном консенсусе престижа и репутации, признает легитимность запроса на самовыражение и активность, но в рамках существующей институциональной матрицы гражданского общества грань между подлинной общественной самодеятельностью и множеством ее симулякров постоянно стирается [5, с. 150]. Важно подчеркнуть, что интерес к участию в сетевом сообществе, принятию симулятивной модели общественного участия в российском обществе поддерживается низким уровнем институционального доверия, и не только прессе и телевидению как информационным структурам, не доверяют, соответственно, 47 и 41% [5, с.132], но и недоверием в межличностной сфере: сетевое сообщество не включает близкого знакомства или устойчивой солидарности, связывается с избирательными, нерегулярными акциями, но одновременно действует правило лояльности, важным является не мотивация участия, а факт участия, то есть, нахождения среди других. При этом в условиях дефицита социального общения в российском обществе результатом сетевого участия может быть пространство игры, действие в режиме онлайн, которое создает причастность к реальному миру, но, вместе с тем, не предполагает социальной интеракции.

Методологическая сложность исследования позиций сетевого сообщества в институциональной системе российского общества состоит в том, что такие маркеры, как «неоэтакратия», «сословная структура», «социальный контракт», применимы в узких пределах. Крайне важно, что субъекты сетевого сообщества опираются на неформальный контракт, измеряют эффективность институтов вероятностью самодеятельности, не сопряженной с введением институциональных установлений. Вряд ли можно считать, что субъекты сетевого сообщества ориентируются на схему институциональной эволюции, которая бы отвечала требованиям российской модернизации, для них активность в интернет-сообществе, а это в основном люди 18-30-летнего возраста, хотя и является предпочтительной, но не формирует повестку дня. Соответственно, ключевым моментом в исследовании влияния сетевого сообщества на институциональную систему можно характеризовать как «отложенную заявку». Речь идет о том, что, выражая неудовлетворенность состоянием общественных организаций, субъекты сетевого сообщества не демонстрируют готовности внести разнообразие и инициативу, пробудить «дух перемен». Такой вывод можно сделать из того, что деятельность сетевых сообществ, если не является «сектантской», то ассоциируется с позицией «постороннего наблюдателя». Нельзя безоговорочно утверждать, что доминирует тенденция социальной эксклюзии, но субъекты сетевого сообщества ориентируются на виртуальную активность, что паллиативно к реальному социальному участию. Мобилизация «сетевиков» на совместные и регулярные акции хоть и обладает эффектом социального самовыражения, имеет в качестве реальных последствий введение в публичный дискурс

конкретной проблемы, но, однако, в этой ситуации сети могут использоваться для популистских «волн», но не обладать долговременной тенденцией.

Как показывает недавний зарубежный опыт, утрата интереса к деятельности новых партий, которые с позиций правящих элит оцениваются как популистские, связана с конкуренцией в сетевом пространстве, где могут конструироваться «новые перспективные лидеры». Иными словами, анализ позиций субъектов сетевого сообщества определяется:

во-первых, воспроизводством символических ресурсов в конкурентном виртуальном пространстве;

во-вторых, готовностью к реальным совместным действиям;

в-третьих, осознанием принадлежности к конкретному сетевому сообществу, которое, и в этом состоит методологическая сложность, может быть аморфным, размытым, обретать характер демонстративной идентичности.

Основываясь на положениях неинституционализма, можно говорить о том, что сами институты понимаются как мобильные сети, и институциональные изменения определяются логикой наращивания полезных функций [6, с.53]. Сетевые сообщества на основе представленного методологического инструментария могут описываться как «прединституты», как образования, которые характеризуются амбивалентностью норм, но могут сформировать институциональные практики, поведенческие стратегии акторов сетевого сообщества, ориентированные на возмещение недоверия к официальным институтам. Можно также говорить о том, что участие в сетевом сообществе может иметь следствием потребность в нестабильности. Неудовлетворенность действующей институциональной системой, в этом контексте, определяется рутинизацией анонимного и свободного общения, тем, что актер формирует чувство критического нарциссизма, его интерес к институтам, действующим в реальном социальном пространстве, характеризуется тем, что, поддерживая чувство идентичности с обществом, участник сетевого сообщества дистанцируется от социальных реальностей, иными словами, закрепляется в сетевом пространстве, не ориентируясь на полную интеграцию в общество.

Таким образом, сетевые сообщества в институциональной системе российского общества могут интерпретироваться по двум параметрам. Первый связан с рыхлой организационной нормативной структурой, которая, тем не менее, воспроизводит ядро, ориентированное на нормы распознавания и демаркации. Другой критерий определяется социально-структурными позициями акторов сетевого сообщества, которые обозначаются в ориентации на демонстрацию социальных ожиданий, в стремлении быть услышанными, но при этом проявлять независимость от влияния социетальных механизмов.

По всей видимости, можно утверждать, что сетевые сообщества выбираются для виртуального потребления. Тот факт, что россияне постепенно перемещаются в сферу виртуальной реальности, говорит о том, что участие в сетях содержит двойственный эффект: с одной стороны, это последствия дефицита реального общения, с другой – скорее, не возможности, связанные с собственным развитием, а отсрочка реальных социальных самоинвестиций.

При этом также следует отметить, что сетевые сообщества подтверждают тренд организации микромира, через них реализуется социальная программа формирования круга общения [7, с.249].

Важно отметить, что в сетевых сообществах формируется дискурс, который не полностью переводит частные проблемы на язык общественный, участники сетевого сообщества часто используют «арго», и их способность к трансляции своих позиций не связана с тем, чтобы доказывать полезность и достоверность. Вместе с тем, возникает чувство обретения консолидированности, и важно различать, есть ли стремление к диалогу с обществом и властью или участники сетевого общения не ориентированы на выход из фрагментированного состояния.

Можно предположить, что, отчасти, снижение доверия к реальным социальным институтам связано с виртуализацией социального общения, с тем, что сеть предлагает разнообразную свободную информацию, но не наблюдается конвертация приобретенного информационного ресурса в реальный социальный капитал. Можно констатировать символическое влияние, переформатирование в результате воздействия сетевого общения поведенческих кодов и ценностных ориентаций, и в этом смысле сетевые сообщества могут развивать идею институциональных изменений. Но к подобной трактовке следует относиться осторожно.

Сетевая активность содержит определенные социальные риски, связанные с внедрением и популяризацией деструктивных установок. В этом и заключается сложность однозначной оценки сетевой активности. Так, например, формирование идентичности, построенной на виртуальных связях, в отличие от традиционных (этнических, религиозных, земляческих), может выглядеть привлекательно, но, вместе с тем, сетевое сообщество ориентирует на модную, демонстративную идентичность, оторванную от базовых идентификационных матриц.

Исследование позиций субъектов сетевых сообществ показывает, что предпочтение в идентификационном выборе отдается интегрирующим признакам, но характерным моментом является значимость «необязывающих» интеграторов. В этом контексте «сетевой национализм», «сетевая гражданственность» не связаны с идейными политическими установками и не образуют целостности, которая бы основывалась на чувствах стойкого «негативизма» или «позитивизма». Конкретизируя эту мысль, можно говорить о том, что субъекты сетевого сообщества ставят приоритетом самовыражение, самопозиционирование, и, как свидетельствуют результаты социологических опросов, из молодежи, выступающей основным субъектом сетевого общения, 47% придерживаются профессиональной идентичности, 43% акцентируют внимание на социальном статусе, 49% предпочитают этническую идентичность [5, с.199]. Можно проследить эффект сетевого сообщества в том, что российская молодежь актуализирует многомерную идентификационную модель, которая направлена на расширение сферы виртуального общения, не предполагает привязанности к сетевой локальности. Однако в этом смысле можно подчеркнуть, что заметно ослабевает идентификационная функция

реальных социальных институтов, воспринимаемых как навязывание социальной профильности, установок и поведения, регламентируемых на языке официального дискурса.

К сетевому сообществу нельзя последовательно применить формулу, что социальный институт – это относительно устойчивая форма организации социальной жизни, которая создает возможность удовлетворять определенные потребности, интересы, регулирует действия общественных субъектов, осуществляет интеграцию и социальный контроль [8, с.37]. Отмечая возникшие теоретико-методологические сложности, можно констатировать, что, описывая сетевое сообщество как организацию социальной жизни, связанной с потребностью социальной коммуникации, вместе с тем, нормы сетевого сообщества основываются не на регламентациях, не на предписаниях, а на саморегуляции. Однако, как показывает опыт функционирования сетевых сообществ, ситуация может выйти из-под социального контроля, поскольку негласный консенсус нарушается конкуренцией в сетевом пространстве, стремлением привлечь новых участников постановкой проблемы, носящей провокационный или асоциальный характер. В этом смысле, субъекты сетевого сообщества испытывают влияние быть «в драйве», и есть риск, что, выступая с критикой устаревших социальных норм, может наблюдаться внесение деконструктивных изменений.

Как показывают результаты динамики участия россиян в деятельности общественных организаций, объединений и сообществ, интернет-сообщества лидируют по показателям привлечения (6% в 2014г., 7% в 2015 г.) [5, с.156]. При этом субъекты сетевого сообщества оценивают интернет-сферу более предпочтительной, чем не виртуальные формы участия. Большинство россиян, хотя и вовлечены в интернет-пространство, не признают статуса участника сетевого общения, для них: интернет есть сфера досуга и общения, которая привлекательна не заданностью социальных норм. В этом контексте нельзя ожидать, что интернет-сообщества могут выступить триггером общественных инициатив. В большей степени ожидаемым является то, что в результате проведения общественных форумов, и в этом можно согласиться с М.К. Горшковым, повысится интерес к проблеме [5, с.157]. Данная особенность интересна тем, что в сетевом общении проходит демаркация между постоянными посетителями интернета и сторонниками волонтерских инициатив. Для первых важно «отметиться», для вторых – найти единомышленников, получить социально полезную информацию.

Рассматривая, таким образом, сетевые сообщества, следует разделять преимущества сетевого общения и сетевой мобилизации, и готовность к реальным гражданским инициативам. Если сетевое сообщество претендует на роль новой общественной организации, то важно проследить, как формируется состав участников, в какой степени субъекты сетевого сообщества ориентированы на то, чтобы действовать сообща в социальной реальности, и, главное, какие институциональные ресурсы «осваиваются» и «присваиваются» участниками сетевого сообщества. Важно подчеркнуть роль идентификационного критерия, перевода в состояние «мы».

Как показывают результаты социологических исследований, сетевое сообщество пропускает значимые социальные проблемы через призму устоявшихся стереотипов. Субъекты сетевого сообщества адаптированы в сетевой среде, на основании «комфорта и безопасности». Примечательно, что доступ к информации не занимает позицию «ниже среднего», общение в социальных сетях волнует 24 % россиян [9, с.121]. Можно предположить, что сетевая среда не является условием жизненного успеха, что для акторов потребность в общении в определенной степени является символической надстройкой над достигнутыми повседневными результатами. В то же время, инструментальность общения ставит барьеры на пути консолидированной позиции. В сетевом сообществе важен «симулякр согласия», но в реальных социальных практиках акторы делают выбор в пользу иных жизненных приоритетов. Хотя следует подчеркнуть, что рискогенность сетевой среды выражается в том, что образуется группа акторов, живущих в виртуальном мире, тех, кто не только проводит большую часть свободного времени в сетях, но и для которых реальная социальная жизнь выглядит означаемой, не референтной по отношению к сетевой активности.

Необходимо принимать также во внимание, что институциональные практики, воспроизводимые в контексте свободы самовыражения, содержат акцент на воспроизводство. В этом контексте интересно замечание неинституционалистов относительно того, что сетевое сообщество нельзя квалифицировать как порядок открытого доступа [10, с.240]. Внешне сетевое сообщество связано со свободным потоком людей, но при этом нельзя игнорировать традиции манипулирования настроениями, а также тот факт, что в сетевом сообществе внимание акторов часто сосредотачивается не на «программных» и идейных установках, а концентрируется в сфере слухов и инсинуаций. Можно говорить о том, что агрегирование информации и идей может создавать ложное осознание преимущества перед носителями реальных институциональных практик и, вместе с тем, является ограничением доступа для разработки и обсуждения действительно эффективных действий.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, сетевые сообщества, как сложившиеся неформальные институты, обладают собственной логикой воспроизводства и функционирования, выступая как паллиативная альтернатива реальным социальным институтам в контексте экспансии виртуального пространства и удовлетворения запроса на «свободную» коммуникацию.

Во-вторых, исходя из сложившейся специфики институциональной системы российского общества, можно констатировать, что субъекты сетевого сообщества в своей деятельности проецированы на область новых символических институтов, не связанных с регулированием повседневной жизни. Это выражается это в том, что, отрицая традиционалистские институты, участники сетевого сообщества демонстрируют готовность к участию в иррегулярных практиках, хотя и имеющих определенный социальный резонанс, но не обладающих перспективами большой массовости и социального влияния.

В-третьих, особенно важно определить интерес к позициям субъектов сетевого сообщества, условиям продвижения общих целей и проектов. В целом, такие исследовательские усилия позволили бы избежать спорных представлений о функционировании сетевых сообществ в российском обществе, которые, хотя и являются «параллельным миром» реальным социальным институтам, формируют коридор возможностей как для деконструктивных действий, так и новых способов саморегуляции внутри сложившихся институциональных норм.

Литература:

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. 2000.

2. Халий И.А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде / М.: Институт социологии РАН, 2007. – 300 с

3. Покровский Н.Е. Настоящая ненастоящая реальность / Визуальный анализ виртуальной реальности. М. 2007.

4. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.

5. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К.Горшков [и др.]; отв. ред. Горшков М.К., Петухов В.В. – Москва: Издательство Весь Мир, 2015. 432 с.

6. Институциональные искажения в российском обществе /И. Н. Игошин. – М. : Директмедиа Паблишинг; Кнорус, 2003. – 152 с.

7. Горшков М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Новые идеи в социологии. М. 2013.

8. Белов Н.Т., Любченко В.С. Властная элита и процесс трансформации российского социума. Ростов-на-Дону, 2002.

9. Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. М.: Весь Мир, 2016 г. – 400 с.

10. Норт Д., Уоллиес Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. М. 2011.

Literature:

1. Castells M. *the Information age: economy, society and culture*. M. 2000.

2. Khali I.A. *Modern social movements: innovative potential of Russian transformations in the traditionalist environment* / Moscow: Institute of sociology, RAS, 2007. – 300 p.

3. Pokrovsky N. E. *Real non-real reality / Visual analysis of virtual reality*. M. 2007.

4. Webster F. *Theories of information society*. – Moscow: Aspect Press, 2004. – 400 p.

5. *Russian society and the challenges of the time. Book two* / M. K. Gorshkov [et al.]; Rev. ed. Gorshkov M.K., Petukhov V.V. – Moscow: publishing house the Whole World, 2015. – 432 p.

6. *Institutional distortions in Russian society* /I. N. Igoshin. – Moscow : DirectMedia Publishing; Cambridge University Press, 2003. – 152 p.
7. Gorshkov M.K. «Russian dream»: experience of sociological measurement. *New ideas in sociology*. M. 2013.
8. Belov N.T., Lyubchenko V.S. *the Power elite and the process of transformation of Russian society*. Rostov-on-don, 2002.
9. *Russian society and the challenges of the time. Book four* / M. K. Gorshkov [et al.]; edited by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov: the Whole World, 2016–400 p.
10. North D., Wallace J., Weingast B. *Violence and social orders*. M. 2011.